

«НЕ СВАЛИВАЛ СВОЕЙ ВИНЫ НА ДРУГИХ»

1951
408

Подписчики широко популярного русского журнала «Отечественные записки», получив августовскую книжку 1857 года, среди прочего нашли в ней рассказ «Маленький герой». Рассказ имел подзаголовок — «Из неизвестных мемуаров» и был подписан псевдонимом-анagramмой «М.ий». Критика не обратила на рассказ внимания. Мало кому было известно, кто скрыт за столь «непрозрачным» псевдонимом. А знай читательшая публика имя автора, будь она посвящена в обстоятельства, при которых был написан этот небольшой рассказ, данная публикация приняла бы характер сенсации. Под ничем никому не говорящим псевдонимом был скрыт известный всей читающей России, прославившийся в середине сороковых годов своим романом в письмах «Бедные люди» писатель Федор Достоевский. Публикацией «Маленького героя» было прервано восьмилетнее насильственное удаление его из литературы. Имя государственного политического преступника — вчерашнего каторжника, а ныне прапорщика семипалатинского линейного батальона еще нельзя было открыто упоминать в печати. Именно по этой причине напечатанный рассказ, старший брат писателя Михаил Михайлович Достоевский и редактор журнала А. А. Краевский и вынуждены были использовать псевдоним.

ИСТОРИЯ создания «Маленького героя» поистине драматична. Она началась в ночь с 22-го на 23-е апреля 1849 года. Десять с лишним лет спустя, уже вернувшись из Сибири, Ф. М. Достоевский сделал об этой ночи мемуарную запись в альбом дочери своего приятеля — литератора и педагога А. П. Милюкова.

«...Я воротился домой, — вспоминает Ф. М. Достоевский, — часу в четвертом от Григорьева, лег спать и тотчас же заснул. Не более как через час, я, сквозь сон, заметил, что в мою комнату вошли какие-то подозрительные и необыкновенные люди. Брякнула сабля, нечаянно за что-то задевшая. Что за странность? С усилием открываю глаза и слышу мягкий, симпатичный голос: «Вставайте!»

Смотрю: квартальный или частный пристав, с красивыми бакенбардами. Но говорил не он, говорил господин, одетый в голубое, с подполковничьими эполетами.

— Что случилось? — спросил я, привставая с кровати.

— По повелению...

Смотрю, действительно, «по повелению». В дверях стоял солдат, тоже голубой. У него-то и звякнула сабля...

«Эге? Да это вот что!» — подумал я. — Позвольте же мне... — начал было я.

— Ничего, ничего! Одевайтесь. Мы подождем-с, — прибавил подполковник еще более симпатическим голосом.

Пока я одевался, они потребовали все книги и стали рыться; немного нашли, но все перерыли. Бумаги и письма мои аккуратно связали веревочкой...

В эту ночь были арестованы 34 человека. Все они являлись членами революционного кружка, возглавляемого Михаилом Васильевичем Петрашевским.

Ф. М. Достоевский как «один из важнейших» (определение Следственной комиссии) был помещен в одиночную камеру Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Здесь ему предстояло пробыть долгих восемь месяцев. Впереди были тяготы следствия и суда, мучительные раздумья, тоска вынужденного одиночества, бессонные ночи...

Алексеевский рavelин, построенный еще Петром I, был тогда самым секретным и самым страшным тюремным застенком империи. Узники помещались в рavelин и выходили из него только по личному распоряжению царя. Свидания были запрещены, прогулки ограничены.

Не нужно забывать, что параллельно с тяготами одиночного заключения и с нездоровьем шло единороство писателя со следствием. Во время допросов он вел себя крайне острожно, но одновременно и мужественно, несмотря на угрозы. думал прежде всего не о себе, а о своих товарищах. В редкие моменты слабости, многие проявлял слабость

духа, просили прощения, отрекались от своих убеждений. Достоевский же с полным правом мог семь лет спустя сказать в одном из писем: «Когда я отправлялся в Сибирь, у меня, по крайней мере, оставалось одно утешение: что я вел себя перед судом честно, не сваливал своей вины на других и даже жертвовал своими интересами, если видел возможность своим признанием выгородить из беды других. Но я повредил себе: я не сознавался во всем и за это наказан был строже».

Документы процесса петрашевцев, опубликованные уже в советское время, целиком подтверждают это.

В такой обстановке и был создан рассказ «Маленький герой». Писатель работал над ним летом и осенью 1849 года.

ЗАНИЯ любимым литературным трудом для обитателя одиночки нравственной отдушиной, лучом света, спасением. О своих литературных занятиях он говорит в первом же письме к старшему брату, которое было разрешено отослать из крепости 18 июля. В начале этого письма (до июля, пока шло следствие, переписка была запрещена), сообщая о своей литературной работе, он пишет: «Я времени даром не потерял...»

Много лет спустя, в беседе с писателем В. С. Соловьевым Достоевский вспоминал: «Когда я очутился в крепости, я думал, что тут мне и конец. Я думал, что трех дней не выдержу и — вдарю совсем усложился. Ведь я там что делал? Я писал «Маленького героя» — прочтите, разве в нем видно озлобление, муки?»

Рукопись рассказа была уже после суда и отправки автора в Сибирь передана властями Михаилу Михайловичу Достоевскому, Ф. М. Достоевский, должно быть, предлагал, что получится именно так, и не забыл напомнить брату о «Детской сказке» (первоначальное название «Маленького героя») в прощальном письме. Написано это письмо было сразу же после жестокого потрясения — вчерашней имитации расстрела. Пройдет четыре страшных

каторжных года. Переписка и с братом, и со всеми остальными на это время будет прервана. И в первом же письме, отосланном из Омска после выхода из острога в начале 1854 года, есть вопрос: «Получил ли ты мою «детскую сказку», которую я написал в рavelине? Если у тебя, то не распоряджайся ею и не показывай ее никому».

Творческая история произведения продолжилась, когда Ф. М. Достоевский служил в семипалатинском линейном батальоне и получил первый офицерский чин. С производством в прапорщики и последующим за этим возвращением из сибирского звания появилась надежда на получение разрешения печататься. Мечтой об этом наполнены письма Достоевского того периода. Он полон замыслов, уже аччата работа над «Записками из «Мертвого дома» и другими произведениями, но тот факт, что ненапечатанным остается готовый рассказ, беспокоит писателя. С его публикацией он связывает свое возвращение в литературу, материальные соображения, наконец, «...почему не напечатана моя «Детская сказка», о которой Вы мне писали? — спрашивает он в письме к своему другу А. Е. Врангелю в конце 1856 года. — Не отказали ли? Это очень важно мне знать». И тут же добавляет слова, которые как нельзя лучше передают его страстное желание возобновить литературную деятельность: «Разумеется, я готов печатать, хоть навсегда без имени или псевдонимом».

Характерно, что, узнав, наконец, о публикации рассказа в «Отечественных записках», Ф. М. Достоевский пишет брату, нечто, казалось бы, совершенно неожиданное: «Известно о напечатании «Детской сказки» было мне не совсем приятно. Я думал ее передать и хорошо передать и, во — 1-х, все куда-то негодное начало выбросить вон». Творческая требовательность художника зрела в данном случае верх над естественной радостью от долгожданной публикации. Доработка текста рассказа была сделана автором позже — при подготовке двухтомного собрания сочинений 1860 года.

Скромное место занимает «Маленький герой» рядом с «Записками из Мертвого дома» и великими романами — «Преступлением и наказанием», «Идиотом», «Бесами», «Братьями Карамазовыми»... Но творческая история небольшого рассказа, сопряженная с арестом, допросами, жестоким наказанием полуанонимной публикацией — это как бы пролог огромного писательского и человеческого подвига Достоевского, совершенного в сибирский период и в годы, последовавшие за ним.

Александр ЛЕЙФЕР.

НА СНИМКЕ: Ф. М. Достоевский. Рисунок К. Трутовского. 1847.